

АДЛЕРЫ

Вена, ноябрь-декабрь 1938 года

Предчувствие беды буквально ощущалось в воздухе. С самого утра шальной переменчивый ветер мел по улицам, свистел в переулках, задувал в двери и окна.

— Зима на пороге, — прошептал Рудольф Адлер, чтобы взбодриться, но ни климатом, ни календарем не мог объяснить гнетущее ощущение в груди, которое он испытывал уже несколько месяцев.

Страх оплетал ноздри запахом ржавчины и отбросов, и ни трубочный табак, ни цитрусовый запах лосьона после бритья не могли его перебить. В тот ветреный вечер от мерзкого запаха спирало в горле, кружилась голова и подкатывала тошнота. Адлер решил отправить восвояси пациентов, ждущих своей очереди, и пораньше закрыть кабинет. Удивленная ассистентка спросила, не заболел ли он. С доктором Адлером она работала одиннадцать лет, и он никогда не пренебрегал своими обязанностями, всегда был методичен и пунктуален.

— Ничего серьезного, фрау Гольдберг, небольшая простуда. Пойду домой, — ответил он.

Они прибрались в кабинете, продезинфицировали инструменты и, как в любой другой день, распрощались в дверях, не подозревая, что больше никогда не

увидятся. Фрау Гольдберг направилась к трамвайной остановке, а Рудольф Адлер быстрым шагом пошел к аптеке, располагавшейся в нескольких кварталах, втянув голову в плечи, одной рукой придерживая шляпу, а в другой сжимая свой чемоданчик. Тротуар был мокрый, небо пасмурное; наверное, весь день моросило, прикинул доктор: того гляди, хлынет один из тех осенних ливней, которые всегда настигали его, стоило забыть зонтик. Тысячу раз ходил он по этим улицам, знал их до мельчайших подробностей и никогда не устал восхищаться родным городом, одним из красивейших в мире, любоваться гармоничным сочетанием барочных дворцов и построек в стиле модерн, величественными деревьями, с которых уже понемногу опадала листва, площадью в своем квартале с конным памятником посередине, витриной кондитерской, где красовались самые разнообразные сласти, всякими редкостями, выставленными в лавке антиквара; но на этот раз он не отрывал взгляда от мостовой. Вся тяжесть мира навалилась на его плечи.

Угрожающий ропот начался в тот день с новости о покушении в Париже: молодой польский еврей тремя выстрелами убил немецкого дипломата¹. Из

¹ Имеются в виду Гершель Гриншпан (1921 — после 1942), который, желая отомстить за свою семью, депортированную в Польшу, 7 ноября 1938 года в Париже выстрелил в немецкого дипломата Эрнста фон Рата (1909–1938), спустя два дня скончавшегося. В Германии под предлогом возмездия за это покушение 9–10 ноября 1938 года устроили Ночь разбитых витрин, она же Хрустальная ночь; Гриншпана почти два года продержали в тюрьме во Франции, в итоге выдали в Германию, где его отправили в Заксенхаузен, а затем в Магдебург; дальнейшая его судьба неясна.

всех динамиков Третьего рейха неслись призывы к возмездию.

С марта, когда Германия провела аннексию Австрии и войска вермахта под приветственные крики восторженной толпы гордо прошествовали парадом по центральным улицам Вены, Рудольф Адлер жил в тоске и тревоге. Страхи подступили несколько лет назад и все возрастали по мере того, как власть нацистов укреплялась — Гитлер получал финансовую поддержку и вооружался. Террор был оружием нацистов в политической борьбе, они пользовались недовольством, особенно среди молодежи, которая столкнулась с экономическими проблемами, так и не решенными со времен Великой депрессии 1929 года, и с чувством национального унижения, терзавшего немцев после разгрома в Первой мировой войне. В 1934 году в ходе неудавшегося государственного переворота был убит глава правительства Дольфус¹, и с тех пор восемьсот человек пали жертвами покушений. Нацисты запугивали оппозицию, провоцировали беспорядки и угрожали гражданской войной. К началу 1938 года уровень насилия в стране стал нестерпимым, в то время как по другую сторону границы Германия давила на Австрию, стремясь превратить ее в одну из своих провинций. Правительство пошло на уступки, но Гитлер все равно отдал приказ начать вторжение. Австрийские нацисты подготовили почву, и захватчики не встретили никакого сопротивления, более того: австрийцы в своем боль-

¹ *Энгельберт Дольфус* (1892–1934) — австрийский политический деятель, канцлер Австрии в 1932–1934 годах; 25 июля 1934 года был убит нацистами.

шинстве бурно их приветствовали. Правительство зашаталось, и через два дня Гитлер триумфально вступил в Вену. Нацисты установили полный контроль над территорией. Всякая оппозиция была признана нелегальной. Немецкие законы, репрессивный аппарат гестапо и СС и ярый антисемитизм тотчас же вступили в силу.

Рудольф видел, что и Ракель, его жену, всегда такую здравомыслящую и практичную, вовсе не склонную воображать всяческие беды, почти парализовала тревога: Ракель держалась только на таблетках. Родители старались защитить детский разум их сына Самуила, но мальчик, которому как раз исполнилось шесть лет, рано созрел: он наблюдал, слушал и многое понимал, не задавая вопросов. Вначале Рудольф давал жене те же транквилизаторы, какие прописывал своим пациентам, но, поскольку таблетки с каждым разом помогали все меньше, стал применять более сильное средство — капли в темных пузырьках без этикетки. Он сам нуждался в них не меньше жены, но принимать не мог — это отразилось бы на его врачебной практике.

Капли ему тайком поставлял Петер Штайнер, владелец аптеки: они дружили многие годы. Адлер был единственным врачом, которому Штайнер доверял свое здоровье и здоровье своей семьи; никакие декреты, запрещавшие общение между арийцами и евреями, не могли разорвать эту основанную на взаимном уважении связь. Впрочем, в последние месяцы Штайнеру приходилось избегать общения с другом на публике: не хотелось нажить неприятности с нацистским комитетом квартала. В прошлом друзья сыграли тысячу

партий в покер и шахматы, делились книгами и газетами, ездили в горы или на рыбалку, чтобы улизнуть от жен, как они сами говорили, посмеиваясь, а в случае Штайнера — отдохнуть от целого выводка детей. Теперь покерные партии в подсобке аптеки обходились без Адлера. Фармацевт впускал друга через заднюю дверь и давал лекарство, не занося это в расходную книгу.

До аннексии Петер Штайнер никогда не задумывался над происхождением Адлеров, считая их такими же австрийцами, как он сам. Ему было известно, что они евреи, как еще сто девяносто тысяч жителей страны, но это не имело значения. Штайнер был агностиком, и христианство, в котором его воспитали, казалось ему таким же иррациональным, как и другие религии; Рудольф Адлер, насколько он знал, придерживался тех же взглядов, хотя ради жены и совершал некоторые ритуалы. Для Ракель было важно, чтобы их сын Самуил следовал традициям и пользовался поддержкой еврейской общины. По пятницам Штайнеров обычно приглашали в дом Адлеров на *Шаббат*. Ракель и Лия, ее золовка, готовили ужин, не упуская ни единой детали: лучшая скатерть, новые свечи, рыба, приготовленная по бабушкиному рецепту, каравай хлеба и вино. Ракель и ее золовка были очень близки. Лия рано овдовела, не имела детей, так что прикипела к маленькому семейству своего брата Рудольфа. Она упорно жила одна — хотя Ракель умоляла ее переехать к ним, — но часто приходила в гости. Лия любила общаться с людьми, она участвовала в делах синагоги, в программах помощи нуждающимся евреям. Рудольф оставался ее

единственным братом с тех пор, как младший уехал в Палестину и поселился в кибуце, а Самуил был ее единственным племянником. В *Шаббат* Рудольф сидел во главе стола, как полагалось отцу семейства. Возложив руки на голову Самуила, он просил, чтобы Господь благословил его и защитил, даровал ему милость, мир и покой. Ракель не раз замечала, как муж перемигивается с Петером Штайнером. Но ничего не говорила, видя в этом не насмешку над обрядом, но знак сообщничества между двумя маловерами.

Адлеры принадлежали к светской просвещенной буржуазии — как и все хорошее общество Вены, особенно еврейское. Рудольф объяснял Петеру, что его народ унижали, преследовали и изгоняли отовсюду на протяжении веков, поэтому в еврейской среде гораздо больше ценится образование, чем материальные блага. У них могли отобрать все имущество, как это постоянно случалось на протяжении истории, но никто не в силах лишить человека научной или профессиональной подготовки. Звание доктора почиталось куда больше, нежели целое состояние в банке. Рудольф происходил из семьи мастеровых, и родственники гордились, что один из них стал врачом. Это была престижная и почетная, но в его случае не столь уж денежная профессия. Рудольф Адлер не был ни модным хирургом, ни профессором старинного Венского университета — он был обыкновенным врачом в своем квартале, прилежным и бескорыстным, и половину своих пациентов принимал бесплатно.

Дружба Адлера и Штайнера покоилась на сходстве характеров и общих ценностях: оба питали ненасытный интерес к науке, любили классическую музыку, читали запоем и втайне симпатизировали коммунистической партии, которую запретили в 1934 году. Объединяло их и глубокое отвращение к национал-социализму. С тех пор как Гитлер перестал быть канцлером и провозгласил себя диктатором с неограниченной властью, они встречались в подсобке аптеки, жаловались на этот мир, на век, в который им выпало жить, и утешали себя стаканчиком бренди — напитка, способного растворять металлы: фармацевт производил этот самогон в подвале, который предназначался для самых разных надобностей; там в идеальном порядке хранилось все необходимое, чтобы готовить и помещать в упаковки лекарства, продававшиеся в его аптеке. Иногда Адлер приводил в этот подвал своего сына Самуила, «поработать» со Штайнером. Мальчик часами развлекался, смешивая и распределяя по бутылочкам порошки и разноцветные микстуры, которые ему давал аптекарь. Никто из детей Штайнера такой привилегией не пользовался.

Штайнер с болью в душе встречал каждый новый закон, призванный растоптать достоинство его друга. Он формально купил у Адлера врачебный кабинет и квартиру — чтобы их не конфисковали. Кабинет был расположен очень удачно, на первом этаже роскошного дома, Адлер и его семья жили там же, на втором этаже; в эту недвижимость медик вложил весь свой капитал, и переписать ее на имя пусть даже и лучшего дру-

га — то была крайняя мера, на которую он пошел, не посоветовавшись с женой. Ракель никогда бы не согласилась.

Рудольф Адлер пытался убедить самого себя, что антисемитская истерия скоро утихнет, ведь она совершенно неуместна в Вене, самом утонченном городе Европы, породившем великих музыкантов, философов и ученых, многие из которых были евреями. Подстрекательская риторика Гитлера, с каждым годом все более свирепая, — всего лишь очередное проявление расизма, предки Рудольфа не раз терпели подобное, и это не мешало им жить и процветать. Из предосторожности он снял табличку со своим именем с двери кабинета; что ж, невелика беда — он занимал это помещение уже много лет, и его хорошо знали. Клиентов стало меньше, ведь пациенты-арийцы были вынуждены его покинуть, но Адлер предполагал, что, когда страсти в городе поостынут, люди к нему вернуться. Он уповал на свой профессионализм и вполне заслуженную репутацию; и все же, по мере того как проходили дни, а напряжение в городе возрастало, Адлер все чаще задумывался о том, чтобы эмигрировать, спасаясь от бури, которую нацисты принесли в город.

Дожидаясь, пока ей дадут сдачу в булочной, Ракель Адлер положила таблетку в рот и, не запивая, проглотила. Она была одета по моде, в бежевых и бордовых тонах, — жакет приталенный, шляпка чуть набекрень, шелковые чулки и туфли на высоком каблуке; этой прелестной женщине не исполнилось и тридцати, но

из-за строгих манер она казалась старше. Спрятав в рукава дрожащие ладони, Ракель нарочито легкомысленным тоном пыталась ответить булочнику, затеявшему разговор о покушении в Париже.

— Чего добивался этот юный болван, застреливший дипломата? Поляк, не иначе! — восклицал булочник.

Ракель только что дала последний урок своему лучшему ученику, пятнадцатилетнему мальчику, которого учила игре на фортепиано с семи лет: он был одним из немногих, кто воспринимал музыку всерьез. «Простите, фрау Адлер, вы же понимаете...» — сказала его мать, прощаясь с учительницей. Заплатила тройную цену за последний урок и чуть было не обняла, но сдержалась, боясь обидеть. Да, Ракель понимала. И была благодарна: эта женщина предоставляла ей возможность давать уроки на несколько месяцев дольше, чем следовало бы. Ракель сделала над собой усилие, чтобы сдержать слезы и удалиться с высоко поднятой головой; она была привязана к мальчику и не судила его строго за то, что он с гордостью носил короткие черные штаны и коричневую рубашку, форму гитлерюгенда, с девизом «Кровь и честь». Вся молодежь принадлежала к движению, это практически вменялось в обязанность.

— Только подумайте, какой опасности нас всех подвергает этот поляк! Вы слышали, что говорят по радио, фрау Адлер? — продолжал разглагольствовать булочник.

— Будем надеяться, что дальше угроз дело не пойдет, — отвечала она.

— Идите скорей домой, фрау Адлер. По улицам рыскают отряды взбудораженных юнцов. Вам не стоит ходить одной. Скоро стемнеет.

— До свидания, доброй ночи, — пробормотала Ракель, кладя хлеб в сумку, а сдачу в кошелек.

Выйдя на улицу, она полной грудью вдохнула холодный воздух и постаралась отогнать мрачные предчувствия, которые начали ее преследовать с рассвета, задолго до того, как она услышала сообщения по радио и тревожные слухи, носившиеся по кварталу. Подумала, что черные тучи предвещают дождь, и сосредоточилась на том, что ей еще оставалось сделать. Нужно зайти купить вина и свечей для пятницы; золовка, как всегда, придет к ним на *Шаббат*, а еще будут Штайнеры с детьми. Ракель почувствовала, что, несмотря на только что принятую таблетку, нервы могут ее подвести прямо на улице — как ей не хватало капель! — и решила отложить покупки на завтра. Через два квартала она увидела свой дом — один из первых образцов чистого стиля модерн, построенный в конце девятнадцатого века. Когда Рудольф Адлер покупал помещение для кабинета и квартиру для семьи, все эти линии, подражающие живой природе, изогнутые окна и балконы, витражи со стилизованными цветами возмущали консервативное венское общество, привыкшее к элегантности барочных зданий, но стиль модерн пробил себе дорогу, и вскоре их дом превратился в городскую достопримечательность.

У Ракели возникло искушение зайти на минутку в кабинет, повидаться с мужем, но она тотчас же от-

казалась от этой мысли. У Рудольфа хватало собственных проблем, ни к чему добавлять к ним еще и ее страхи. Вдобавок Самуил с самого утра ждал ее в доме у тетки. Лия Адлер была учительницей, она вызвалась давать уроки нескольким детишкам. Самуил был на пару лет младше прочих, но в учебе не отставал. Многих еврейских детей обижали в школе, и некоторые матери, принадлежавшие к общине, объединились, чтобы учить малышей частным порядком, а старшие получали образование в синагоге. Это чрезвычайная мера — так думали все. Ракель спешила забрать сына и не заметила, что кабинет мужа закрыт в такой неурочный час. Обычно Рудольф принимал пациентов до шести вечера, кроме пятниц, когда они садились ужинать до захода солнца.

Квартира Лии, скромная, но удачно расположенная, состояла из двух комнат, на стенах красовались вставленные в рамки фотографии преждевременно умершего мужа, а на подержанной мебели — сувениры, привезенные из поездок, которые они совершали вместе до того, как Лия овдовела. В дни, когда она принимала учеников, здесь пахло печеньем, только что из духовки. Ракель Адлер встретила у Лии еще троих матерей — они пришли за детьми, но задержались и теперь пили чай и слушали, как Самуил играет «Оду к радости». Мальчик выглядел таким трогательным: маленький, худенький, с исцарапанными коленками, непокорной копной волос, но при этом собранный, сосредоточенный, он раскачивался в такт звукам собственной